

казалось и кажется до сих пор очень многим. Это была его победа над страхом. Он пришел к внутренней свободе.

К. писал о войне до начала 1960-х. Им были написаны романы **«Весна на Одере»** (1949) и **«Дом на площади»** (1956), посвященные последним боям в Германии, началу мирной жизни, работе военной комендатуры в небольшом немецком городке. Объединенные общими героями, они составили своеобразную дилогию. Правда, по собственному признанию писателя, в романах он уступил натиску критики. Мн. реальные конфликты в них оказались как бы сглаженными, слишком легко разрешимыми. Особенно это касается второго из романов. Рядом с психологически точными появились строки, как будто взятые из тогдашних газетных передовиц.

В 1953 была опубликована повесть **«Сердце друга»**. В 1961 К. написал рассказ **«При свете дня»** — своего рода эпилог произведений, посвященных им войне. Он написал о памяти, прочной и благодарной у одних и хрупкой и неверной у других, — памяти о тех, кто не пришел с войны.

«Все лучшее, благородное, героическое, с чем пришло в мир наше поколение, оно отдало этой войне», — говорил К. Идеальность стала свойством характеров героев К. Чувство долга, о котором постоянно пишет К. и которым неизменно руководствуются его герои, не тяготит их — для них оно естественно.

Возможно, именно поэтому было вполне последовательным обращение писателя к ленинской теме. Небольшая повесть **«Синяя тетрадь»**, вышедшая в 1960, была посвящена работе Ленина над книгой «Государство и революция» в то время, когда он скрывался летом 1917 в Разливе. «Синяя тетрадь» стала частью характерного для «оттепели» процесса «возвращения к Ленину», когда многим казалось, что «восстановление ленинских норм жизни» сможет решить все проблемы современности. Своеобразие повести К. состоит в том, что Ленин показан не столько действующим, сколько размышляющим. «Мысль — тоже деятельность; переживания, сомнения и преодоление их — тоже деятельность», — утверждал К. После десятилетий изображения вождя революции монолитом образ Ленина раздумывающего, тем более сомневающегося в чем-то, был открытием. К. хотел продолжить ленинскую тему, задумывался рассказ **«Тихие дни Октября»**, был опубликован рассказ **«Враги»** о взаимоотношениях Ленина и Мартова.

У К. было больше не реализованных до конца замыслов, чем опубликованных произ-

ведений. Это и **«Иностранная коллегия»** — повесть о работе революционного интернационального подполья в Одессе; и **«Московская повесть»** — о жизни Марины Цветаевой; и рассказ **«Мифы классической древности»** — о древнем поэте, сочинителе мифов; и пьеса о Колумбе — один из его еще довоенных замыслов; и **«Автобиографические заметки»** и мн. др.

Много сил и времени К. отдавал работе в редколлегии альм. «Лит. Москва». По воспоминаниям многих, он фактически исполнял обязанности главного редактора одного из самых заметных «оттепельных» изданий.

Но больше всего в последние годы жизни К. работал над большим — «240–250 авторских листов, 5000 страниц» — романом **«Новая земля»**. Время действия романа должно было охватывать четверть века — 1924–49. Главным героем, по словам автора, был «советский народ, страдающий, побеждающий». Приступая к работе над романом, К. написал: «Я буду делать свое дело без дерзости, но и без боязни». Собственно, так он и писал почти всегда.

К. разделил надежды и иллюзии времени, в котором он жил, во многом выразил идеалы своих современников. Он и из жизни ушел на исходе своего времени.

Соч.: СС: в 2 т. М., 1963; Избранные произведения: в 2 т. М., 1973; Синяя тетрадь. Л., 1962.

Лит.: Воспоминания об Эм. Казакевиче: сб. М., 1984; Бочаров А. Эммануил Казакевич. М., 1967.

О. И. Козлова

КАЗАКОВ Юрий Павлович [8.8.1927, Москва — 29.11.1982, Москва] — прозаик.

Родился и долгое время жил на Арбате, его отец Павел Гаврилович и мать Устинья Андреевна смолоду перебрались в столицу со Смоленщины. Отец, рабочий-плотник, в 1933 был осужден за «нелояльные разговоры» и несколько лет провел в ссылке. Мать нянчила детей в чужих семьях, работала подсобницей на заводе, выучилась на медсестру. Военная Москва, бомбежки, гибель людей на улицах, нищета — главные впечатления детства, нашедшие отражение в неоконченной повести **«Две ночи»** (1962–65). С 15 лет К. пристрастился к музыке. После 8-го класса средней школы поступал в архитектурно-строительный техникум, потом окончил Музыкальное училище им. Гнесиных (1951) по классу контрабаса. Играл в джазовых и симфонических оркестрах; подрабатывал в газетах.

Ранние лит. опыты К. — сохранившиеся в архиве стих. в прозе, короткие пьесы, очер-

ки для газ. «Советский спорт» и рассказы «из иностранной жизни» — относятся к 1949–53. Первой публикацией К. стала одноактная пьеса «**Новый станок**» в «Сб. пьес для кружков художественной самодеятельности» (М., 1952), первый напечатанный рассказ — «**Обиженный полисмен**» (Московский комсомолец. 1953. 17 янв.). С поступлением в Лит. ин-т им. М. Горького (1953) К. всерьез обращается к прозе. В рассказах 1956–58, появившихся в ж. «Октябрь», «Знамя», «Москва», «Молодая гвардия» и сразу замеченных критикой и читателями, он заявил о себе как уже сложившийся мастер. В 1958 К. защитил диплом и был принят в СП (с рекомендациями В. Пановой и К. Паустовского). В 1959 в Москве был издан сб. рассказов «**На полустанке**», который автор считал своей первой полновесной книгой после двух книжечек: «**Тедди**» (1957) и «**Манька**» (1958), выпущенных в Архангельске.

К. пришел в лит-ру на волне общественных иллюзий второй половины 1950-х, в период «коттепели», став представительной фигурой поколения «шестидесятников». Он придерживался позиции принципиального традиционалиста: воспринимал современника как продолжателя вековой историко-культурной эволюции, уповал на христианские идеалы, интересовался живой стариной больше, чем сомнительной новью, за что неоднократно подвергался нападкам официозной критики. К. обвиняли в идеализации прошлого, в «нытье» и бездумном элигонстве, упрекали за преклонение перед эмигрантом И. Буниным (покорившим молодого писателя «ястребиным видением человека и природы»), за интерес к К. Гамсуну и Э. Хемингуэю. Между тем К. не только перенимал у классиков пластику слова, учился языку, но и наследовал их духовную проблематику, чувствуя нерасторжимое родство с Лермонтовым (о нем написал рассказ «**Звон брегета**», 1959) и Л. Толстым, с Буниным, Чеховым и Пришвиным.

Трагический лирик по натуре, К. скептически относился к монументальным полотнам соцреализма. Обладая чутким слухом, остро осязая вещную плотность мира, он избрал как наиболее эффективный для себя жанр психологического рассказа, дисциплинирующего своей краткостью. Внешней стороне писательского поприща он противопоставлял самодостаточность «внутренней биографии», причисляя автобиографизм к обязательным условиям художественности; самовыражение писателя ставил превыше всего. «Счастье и его природа, страдания и преодоление их,

нравственный долг перед народом, любовь, осмысление самого себя, отношение к труду, живучесть грязных инстинктов» («**О мужестве писателя**») — вот круг проблем, определивших, по признанию К., содержание и скрытые связи в своеобразном «романе рассказчика», который в итоге многолетних усилий он создал.

В книге «На полустанке» эти проблемы четко обозначились, и важнейшей из них было «осмысление самого себя». Показателен юный герой рассказа «**Голубое и зеленое**» (1956), лирический двойник автора, первый в ряду наивных московских мечтателей, грезивших охотой и путешествиями. Со столкновения подобных героев («**Некрасивая**», 1956; «**Ни стуку, ни грюку**», 1960; «**Легкая жизнь**», 1962) с их прагматичными деревенскими сверстниками начинается постижение писателем парадоксов русского характера. Инфантильные горожане и грубые сельские парни отличались темпераментом и внешней повадкой, но их соперничество имело глубокие социально-исторические корни: конфликт между ними касался взгляда на природу и предназначение человека.

Поиск ответов на «вечные вопросы» веры и совести, потребность в творческом самоопределении привели К. на Русский Север. Еще мальчишкой в конце 1940-х он попал впервые в вятскую деревню (в тех краях отбывал ссылку его отец) и сразу влюбился в стародавние избушки и «мужика с лукошком» — «пришельца из бунинского века», а уже студентом Лит. ин-та (1956) отправился в командировку по следам Пришвина, бродившего по Беломорью 50 лет назад. Там, вкусив вольной лесной жизни и окунувшись в поток натуральной живой речи, молодой писатель, по его словам, «родился второй раз». Дикая природа, цельные, под стать ей люди, суровый поморский быт в первых северных рассказах К. («**Никишкины тайны**», 1957; «**Поморка**», 1957; «**Арктур — гончий пес**», 1957; «**Манька**», 1958) увиденны зорким неравнодушным взглядом, их пронизывает ощущение прозрачной временной бездонности.

Позднее маршруты писателя пролегли по Кольскому полуострову, Карелии и Двине, вдоль побережья Ледовитого океана, через Мурманск, Архангельск, Мезень, Нарьян-Мар, Соловки. В результате сложился «**Северный дневник**» — книга, которую К. пополнял очередными главами более 10 лет (1960–72). Путевые впечатления, пейзажи, портреты рыбаков и охотников спаяны здесь

с лирическими воспоминаниями и экскурсами в историю. Исследуя русский национальный характер, К. забирался в «медвежьи углы», где людей привязывает к дому семья, дети, привычный труд и кресты на могилах предков. Задумчивая созерцательность писателя как нельзя лучше соответствовала неторопливому быту, загадочному безмолвию северной природы и позволяла проникнуться «тихим постоянным мужеством поморов».

Писатель словно погружался внутрь исторического времени и убеждался: вековечный крестьянский уклад, опирающийся на старозаконную веру, православные обычаи и частную собственность, терпит на Русском Севере крах. Его удручали драматические судьбы поморов («**Нестор и Кир**», 1961), тяготило чувство вины за порядки, уничтожившие честных тружеников. Было стыдно наблюдать загаженные руины старинного монастыря, превращенного в 1920-е в концлагерь, а потом разрушенного («**Соловецкие мечтания**», 1966). Поэзия вечности вместе с жестокой правдой современности взывала к бережному сохранению культуры. Среди персонажей «Северного дневника» — сказочник С. Писахов и «дикарь XX века», национальный герой ненцев, художник Тыко Вылка (о нем К. написал позже, в 1972–76, повесть «**Мальчик из снежной ямы**»).

Противостояние недоступного в своей идеальной чистоте Севера и срединной, обжитой России определяет сюжеты мн. казакских рассказов, в т. ч. и рассказов о любви. Страсть — неотъемлемое качество таланта К. И любовь к женщине сопряжена с приливом энергии и вдохновения, становясь побудительным импульсом к творчеству и принося житейский покой в жертву «тайне своего самоосуществления» («**Осень в дубовых лесах**», 1961; «**Адам и Ева**», 1962). Любовь у К., яростная («Манька»), мечтательная («Голубое и зеленое»), вовсе несостоявшаяся («**Ночлег**», 1963), — ранима, требовательна и щедра. И непутевый бакенщик Егор («**Трали-вали**», 1959), и его антипод, интеллигент-москвич («**Двое в декабре**», 1962), каждый по-своему обретает душевное равновесие, когда возле них оказываются преданно любящие женщины.

К центральной России, Оке и Тарусе (там он подолгу жил) К. был привязан еще крепче, чем к Северу. Красота среднерусской равнины, человек на земле и здесь давали писателю повод для творческих раздумий. В альм. «Тарусские страницы» (Калуга, 1961) он напечатал рассказы «**В город**» (1960), «**Ни стучу, ни грыжу**» (1960), «**За-**

пах хлеба» (1961), где одним из первых в те годы, предвосхищая «деревенскую прозу», поднял тему ухода крестьянина из деревни. Бросая родительский кров, его неутешные герои убежали на сибирские стройки («**По дороге**», 1960), прельщались «легкой жизнью» и городскими соблазнами, будучи не в состоянии понять истинную причину своей тоски. Трагедия беспаспортного сельского жителя, измученного произволом властей, виделась К. зловещим симптомом духовного обнищания страны.

И природа, подобно исчезающей деревне, воспринималась К. как «уходящий объект». Традиционный охотничий рассказ он возвысил до философской новеллы («**Плачу и рыдаю**», 1963) — о величии жизни и смерти, об ответственности человека за будущее всего живого на земле, в том числе и за самого себя. Прозорливое худож. зрение К. предполагало и возможность взгляда «из природы»: глазами леса, медведя, гончего пса. Этот взгляд требовал мудрости и сострадания, отзываясь в казакских рассказах провидчески щемящей нотой покаяния («**Белуха**», 1963–72).

В 1960-х К. много путешествовал. Помимо Арктики, бывал на Псковщине («**В первый раз попал я в Печеры...**», 1962), в Прибалтике и Закарпатье, в Сибири и Казахстане. Довелось ему посетить ГДР, Румынию, Болгарию. За рубежом его охотно печатали: в Англии и Дании, Индии и Югославии, Испании и Голландии, Швейцарии и США. В Париже присудили премию за лучшую книгу года, переведенную на французский яз. (1962), в Италии удостоили Дантовской премии (1970). Незабываемой стала поездка во Францию весной 1967, там К. собирал материалы для книги о Бунине, встречался с Б. Зайцевым, Г. Адамовичем и др. писателями-эмигрантами «первой волны».

В 1968 К. прочно обосновался в подмосковном Абрамцеве. В 1970-х печатался мало, но два рассказа — «**Свечечка**» (1973) и «**Во сне ты горько плакал**» (1977) — убедительно свидетельствовали о неувядаемости его таланта. Тема дома и бездомья, чувство семейного рода, уязвленное драмами минувших десятилетий, отличает эти классически строгие рассказы, представляющие собой «разговор двух душ» — отца и сына. Загадка младенчества и поиск истины на границе жизни и смерти, фатальность судьбы и спасительность веры, единство отца и сына как условие бессмертия нации, народа и человечества — эти вечные проблемы поднял К. в своих скорбных и мажорных рассказах.

Казаковский «роман рассказчика» остался незавершенным. Однако ресурсы «внутренней биографии» писателя не были исчерпаны. Эволюция казаковского лирического героя прослеживается не только по книгам («По дороге», 1961; «Голубое и зеленое», 1963; «Запах хлеба», 1965; «Двое в декабре», 1966; «Во сне ты горько плакал», 1977), но и по замыслам, оставшимся в набросках («Разлучение душ», «Ангел небесный», «Старый дом», «Девятый круг», «Смерть, где жало твое?» и др.). Большинство своих рассказов К. написал на исходе 1950-х — вплоть до середины 1960-х, их хронология часто не совпадала с последовательностью публикаций. Фрагменты, включенные в посмертный сб. «Две ночи» (1986), существенно корректируют общую картину казаковского творческого пути.

Последние годы К. уединенно провел в Абрамцеве. Завершил начатый в 1964 перевод трехтомной эпопеи казахского прозаика А. Нурпеисова «Кровь и пот». Сочинял детские рассказы для ж. «Мурзилка», в редколлегии которого состоял. Книжки для маленьких читателей («Тропики на печке», 1962; «Красная птица», 1963; «Как я строил дом», 1967 и др.) были предметом его особой заботы. В качестве сценариста К. участвовал в постановке на «Мосфильме» 2-серийной картины «Великий самоед» (1982, реж. А. Гордон) — о Тыко Вылке.

Соч.: Осень в дубовых лесах. Алма-Ата, 1969; Северный дневник. М., 1973; А. Нурпеисов. Кровь и пот: роман в 3 книгах / авториз. пер. с казахского Ю. Казакова. Алма-Ата, 1980; Поедьте в Лопшеньгу: Рассказы. Очерки. Лит. заметки. М., 1983; Избранное: Рассказы. Северный дневник. М., 1985; Две ночи: Проза. Заметки. Наброски. М., 1986; «Как я люблю людей...»: Из писем Ю. Казакова // Лит. обозрение. 1986. № 8; «Снова вспомнил Ленинград...»: Письма Ю. Казакова // Звезда. 1990. № 1; «Жили, собственно, Россией...»: Из наследия Ю. Казакова // Новый мир. 1990. № 7; «Зачем же я здесь?»: Путевой беломорский дневник Ю. Казакова 1958 года // Звезда. 1995. № 12; Во сне ты горько плакал: рассказы. М., 2000; Двое в декабре: рассказы. М., 2001; Легкая жизнь: рассказы. СПб., 2003.

Лит.: Паустовский К. Бесспорные и спорные мысли // Лит. газ. 1959. 20 мая; Нагибин Ю. Свое и чужое // Дружба народов. 1959. № 7; Соловьева И. Начало пути // Новый мир. 1959. № 9; Чудакова М., Чудаков А. Искусство целого: Заметки о совр. рассказе // Новый мир. 1963. № 2; Шубин Э. Совр. русский рассказ: Вопр. поэтики жанра. Л., 1974; Крамов И. В зеркале рассказа: Наблюдения. Разборы. Портреты. М., 1979; Конечский В. Опять название не придумывается // Нева. 1986. № 4; Горышин Г. Сначала было слово: Воспоминания о Ю. Казакове // Наш современник. 1986. № 12; Роцин М. Ю. Казаков // Роцин М. Повести,

рассказы, статьи. М., 1987; Нинов А. Ю. Казаков // Нинов А. Сквозь тридцать лет: Проблемы. Портреты. Полемика. Л., 1987; Лихоносов В. Воспоминания о Ю. Казакове // Писатель и время: сб. документальной прозы. М., 1988; Кузьмичев И. Юрий Казаков: Набросок портрета. Л., 1986; Кузьмичев И. Мечтатели и странники: Лит. портреты. Л., 1992; Галимова Е. Худож. мир Ю. Казакова. Архангельск, 1992; Жирмунская Т. Мы — счастливые люди: Воспоминания. М., 1995; Друзенко А. На Арбате, у дома Казакова // Лит. газ. 2002. 3 апр.

И. С. Кузьмичев

КАЗАКОВА Римма Федоровна [27.1.1932, Севастополь] — поэт.

Дочь военнослужащего. Детство прошло под Полоцком, в Белоруссии. В 1937 семья переехала в Ленинград. Окончила исторический ф-т ЛГУ (1954), была направлена в Хабаровск, где работала лектором Дома офицеров, редактором и ассистентом реж. Дальневосточной студии кинохроники. Печатается с 1955. Первый сб. стихов «Встретимся на Востоке» (1958) вышел в Хабаровске. Сама К. находит «наивное обаяние в беспомощности и бесхитростной прямолинейности первых строк» («Путь к себе...») // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. С. 3). Для К. той поры были характерны, например, такие декларации: «Поэзия — мужичье дело, / Воловий труд, соленый пот. / Зачем же Орлеан-

Р. Ф. Казакова